

ЮЛИУС
ВЕЛЛЬХАУЗЕН

АРАБСКИЙ
ХАЛИФАТ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ИСЛАМА

Юлиус Велльхаузен

**Арабский халифат.
Золотой век ислама**

«Центрполиграф»

УДК 94(460).02
ББК 63.3(5)

Велльхаузен Ю.

Арабский халифат. Золотой век ислама / Ю. Велльхаузен —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-07767-7

Известный немецкий ученый, автор многих работ по теологии, профессор Гёттингенского университета представил историю Арабского халифата – некогда огромной и могущественной империи. Отмечая неразрывную связь политической, религиозной и административной власти Арабского халифата, автор анализирует историю возникновения ислама, его развитие, особенности и общность с другими главными мировыми религиями. Рассказывает о том, как правители приходили к власти и умирали; когда вступали в должность и отправлялись в отставку наместники важнейших провинций; кого халифы назначали каждый год вести хадж и как проходили завоевательные кампании. В своем исследовании Велльхаузен опирался на оригинальные источники – образцы древнейшей арабской исторической литературы, куфийские и мединские предания. Среди цитируемых авторов такие авторитеты, как Абу Михнаф, Ат-Табари, Ибн Исхак, Абу Машар, аль-Вакиди.

УДК 94(460).02

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-227-07767-7

© Велльхаузен Ю.

© Центрполиграф

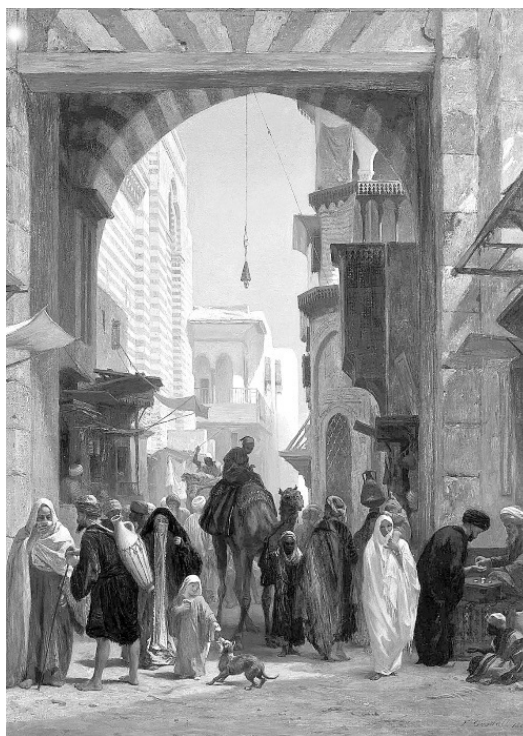
Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

АРАБСКИЙ
ХАЛИФАТ
ЗОЛОТОЙ ВЕК ИСЛАМА

Юлиус Велльхаузен
Арабский халифат. Золотой век ислама
JULIUS WELLHAUSEN

THE ARAB
KINGDOM
AND ITS FALL

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ

Политическая исламская община выросла из общины религиозной. Обращение Мухаммеда и его апостольское призвание произошли примерно одновременно. Он начал с самого себя; в первую очередь нужно сказать, что им владела твердая вера во всемогущего Бога и последний суд, но убеждение, переполнявшее его собственное сердце, было настолько сильным, что нашло способ излиться вовне. Он чувствовал, что должен показать свет и путь своим братьям, которые брели ощупью во тьме, и тем самым спасти их от заблуждения. Мухаммед сразу же основал в Мекке небольшую общину.

Его конгрегацию тесно сплачивала вера в единого невидимого Бога, Творца мира и Судию душ, а также возникающий из этой веры нравственный закон, принуждающий служить одному только Богу, и никакому иному господину, стремиться приобрести душу, а не мир, искать правды и милости, а не земных богатств. В самых старых главах Корана монотеизм носит столь же подчеркнуто нравственный характер, сколь у пророка Амоса или в Нагорной проповеди. Как и в Евангелии, мысль о Творце немедленно пробуждает мысль о личном оправдании перед Ним после смерти. Он утверждает Свою абсолютную власть над душой – дабы она исполняла Его волю, а не просто подчинялась ей. Первоначальный ислам не был фаталистическим в обычном смысле этого слова, и Бог ислама не был Абсолютом, то есть номинальной, декоративной религиозной фигурой, но с Верховной властью были неразрывно связаны нравственность и справедливость. То первая, то вторая выходит на первый план в зависимости от духа конкретного момента без каких-либо попыток сохранить равновесие или какого-либо осознания непоследовательности. Мухаммед не был ни философом, ни догматиком.

Внешне община была связана общим соблюдением религиозных обрядов; слово «сабии» – самое старое название, которым мусульман наделяли посторонние, – возможно, происходит как раз от этих обрядов. Даже в самых ранних молитвах Корана говорится о простирании ниц и бдениях; они еще не так строго определены и упорядочены, какими стали позже.

Мухаммед начал с того, что стал привлекать на свою сторону отдельных людей, друзей, родственников и рабов, но он рассматривал их только как первые плоды. С самого начала его цель заключалась в том, чтобы привлечь всю Мекку к себе, к своему роду, бану хашим и мутталиб, и к своему племени, курайшитам. Он был арабом и, как араб, испытывал такие чувства к роду и племени (то есть к народу), какие мы можем понять применительно только к ближайшим домочадцам. Такой порядок, когда человек был отчужден от общества и действовал независимо, обладая суверенной властью, был еще неизвестен среди арабов. Государство было не институтом и не территорией, а коллективным органом. То есть в действительности это было не государство, а лишь народ; не искусственная организация, а полноценный организм; не государственное чиновничество, а только главы кланов, родов и племен¹. Одна и та же связь – кровное родство – скрепляла народ и семью; единственное различие заключалось в их величине. Содружество, свободное от любого внешнего сдерживающего влияния, было основано на идее кровной общности и ее святости. Родственные связи или вера в родственные связи – и то и другое в практическом смысле сводилось к одному и тому же – действовали как религия, и эта религия была духом, который превращал народ в единое живое существо. Наряду с этим существовал и внешний культ, но не религия, которая налагала бы на людей какие-либо

¹ Бедуины думали о Дауле, то есть о Турецкой империи, как о племени и оценивали ее силу по числу верблюдов. Даже для городского населения политической единицей был не город, а племя, как курайшиты в Мекке и сакифиты в Таифе. Курайшиты и сакифиты считали, что политически принадлежат к одной общности, даже когда жили за пределами Мекки и Таифа. (Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.)

другие требования, узы или обязанности, помимо кровных. Если бы Мухаммед основал веру, исповедующие которую не нашли бы приюта в узах племенных отношений, он сразу же разрушил бы общину, связанную кровью, поскольку она была слишком тесно сплочена и переплетена, чтобы пережить вторжение чужеродного фактора. Но он не хотел этого и, кроме того, вряд ли мог представить себе религиозную общину в каком-либо ином виде, кроме родственного. Поэтому его миссия заключалась не в том, чтобы обрести приверженцев повсюду, вплоть до самых дальних уголков. Конечно, ему пришлось начинать с отдельных людей, но его цель состояла в том, чтобы заполучить целое. Его народ должен был стать его общиной, ему было недостаточно мекканской *ecclesiola pressa*².

Не сумев привлечь к себе собственное племя – курайшитов в Мекке, он попытался наладить связь с другими племенами и городами, для чего ему представились возможности на рынках и ярмарках в окрестностях Мекки. В Таифе он обратился к старейшинам племени бану сакиф относительно перехода всего их содружества в ислам. Наконец он получил поддержку в Ясрибе, то есть в Медине. Его переселение туда – хиджра – стало событием, которое положило начало новой эре, однако новая эра в действительности не означала сознательного разрыва с прошлым. Мухаммеда не испортило то, что он превратился из проповедника в правителя. Он давно уже стремился привлекать к себе не отдельных людей, а все сообщество в целом. Он всегда считал, что пророк есть посланный Богом вождь своего народа, и не проводил никаких различий между политической и религиозной общинами. Его желание оставаться в Медине таким же, каким он был в Мекке, Пророком и Посланником Бога, не было лицемерием или какого-либо рода притворством. Однако в Мекке его усилия оказались напрасны, в Медине же он добился успеха; там он был в оппозиции, здесь он достиг своей цели. Это многое изменило, и не только с внешней стороны. Для оппозиции это обычное явление, когда она меняется после прихода к власти, и теория значительно отличается от практики, ведь практика вынуждена считаться с имеющимися возможностями. Историческая община не в состоянии полностью порвать со своим фундаментом и может следовать собственным законам для поддержания и расширения своей власти. Именно этим и объясняется то, почему пророк в качестве правителя стал отличаться от пророка в качестве претендента на власть и почему теократия на практике отличалась от теократии в теории. Политический элемент стал более явным, религиозный элемент – менее, но мы всегда должны помнить, что в принципе политика и религия сливались воедино, хотя между духовной и светской политикой проводилось различие и рядом с ними благочестие сердца по-прежнему сохраняло свое место.

В Медине иудаизм и христианство уже успели подготовить почву для Мухаммеда. Там во множестве жили евреи, и город стоял на границе с той частью Аравии, которая находилась под греко-римским и христианско-армянским влиянием. Политические условия оказались для Мухаммеда еще более благоприятными. В Мекке царил мир и порядок. Старый принцип общины действовал без помех. Новый принцип, который пророк угрожал ввести, был воспринят как тревожный элемент и отвергнут. Но кровная связь отнюдь не обладала одинаково прочной властью над всей Аравией. Ее влияние не было равномерным на всех уровнях взаимодействия, но усиливалось в узких кругах по сравнению с более широкими; в первых оно было спонтанным, во вторых – делом долга. Следовательно, объединяющий элемент тоже мог стать причиной раздора, если бы интересы рода разошлись с интересами племени или народа. Семьи особенно не желали отказываться от возложенных на них обязательств кровной мести, даже по отношению к родственным кланам из того же племени. Тогда между кланами возникла родовая вражда, поскольку в спорных вопросах не было такой силы, которая могла бы принуждать к миру и наказывать за его нарушение. Так обстояли дела в Медине. Община была разделена на два враждебных лагеря – бану аус и бану хазрадж.

² Маленькая гонимая церковь (*лат.*). (Примеч. пер.)

Умышленные и неумышленные убийства были повсеместными; любой, кто отваживался выйти за пределы своего квартала, подвергался опасности; там царило такое буйство, при котором невозможно было вести нормальную жизнь. Город нуждался в человеке, который бы пришел к нему на помощь и освободил бы его от анархии, но этот человек должен был хранить нейтралитет и не принимать участия во внутреннем соперничестве. И тогда появился пророк из Мекки, как будто ниспосланный самим Богом. Кровь как объединяющая сила потеряла влияние, на ее место он поставил веру. Он привез с собой племя верных, сподвижников в бегстве из Мекки, и, медленно и неуклонно продвигаясь шаг за шагом, основал в Медине общину на основе религии как умму Аллаха, собрание верующих в Бога. Даже если бы хотел, он не мог бы основать церковь, потому что у арабов еще не существовало государства. Сначала нужно было проделать элементарную работу, навести порядок и восстановить мир и законность. Поскольку не было другого авторитета, религиозная сила встала во главе, взяла власть в свои руки и обеспечила себе прочное положение, сделав то, чего от нее ожидали. Мухаммед проявил дар решать вопросы в массовом порядке. Если он сомневался, то знал, с кем посоветоваться, и ему повезло найти надежных приверженцев среди тех, кто пришел с ним из Мекки, которые и сформировали ближайший круг его друзей.

В сложившихся обстоятельствах власть религии представляла главным образом как политическая сила. Она создала общину, а над ней поставила авторитет, которому все подчинялись. Аллах олицетворял собой верховную государственную власть. То, что в Европе совершалось во имя короля, там совершалось во имя Аллаха; армия и государственные учреждения назывались именем Аллаха. Идея правящей власти, до тех пор абсолютно чуждая арабам, была введена через Аллаха. В этом также присутствовала идея, что никакая внешняя или человеческая сила не имеет права на верховную власть, а только сила, внутренне признанная и стоящая выше человечества. Теократия – это противоположность мультка, то есть земного царства. Привилегия править – не предмет личного обладания того, кому она принадлежит; царство принадлежит Богу, но его уполномоченный посланник, который знает и исполняет его волю, является пророком. Он не только провозвестник истины, но и единственный законный правитель на земле. Рядом с ним не может встать ни один царь и даже ни один другой пророк. Эта концепция «пророка-самодержца» появилась у поздних евреев, она, как правило, изображается в контрасте между Самуилом и Саулом, который можно видеть, например, в Первой книге Царств, 8 и 11. Пророк представляет власть Бога на земле, Аллах и Его посланник всегда связаны друг в друге и стоят рядом в символе веры. Теократию можно определить как содружество, во главе которого стоит не царь и узурпированная или унаследованная власть, но пророк и Закон Божий. В идее Бога преобладала идея справедливости, а не святости. Его правление – правление справедливости, и теократия доселе была диархией, но под этим мы не должны понимать власть безличного закона. Пока еще не было никакого закона; ислам существовал до Корана. Теократия также не походила на республику, несмотря на то что все подданные Аллаха находились в одинаковом отношении к Нему. Основная характеристика республики – народные выборы – полностью отсутствовала. Высшая власть опиралась не на народ, а на пророка. Он один имел постоянный, даже божественный пост; все органы власти возникли из его верховного суверенитета. Но он не назначал фактических чиновников, а лишь давал определенные поручения, после исполнения которых его посланцы удалялись на задний план. Его советники тоже были частными лицами, с которыми он дружил и которых собрал в своем ближнем круге.

В этом не было ни единого признака иерархии. Мусульманская теократия не содержала некой организации, обладавшей особой святостью; в этом отношении она не имела никакого сходства с еврейской теократией после изгнания³.

³ После изгнания иностранное господство было исходной предпосылкой для иерократии, она не обладала политической

Не было никаких уровней священства, никакой разницы между духовенством и мирянами, между религиозным и светским призванием. Сила Аллаха пронизывала каждую функцию и орган государства, а отправление правосудия и ведение войны были столь же священными действиями, как и богослужение. Мечеть одновременно была и форумом, и учебным плацем; община была воинством; вождь в молитве (имам) был командующим армией.

Из идеи господства Бога не возникла никакая реальная форма конституции. Новый фактор, который через Мухаммеда был введен в хаос, несомненно привел к сосредоточению дотоле неизвестных элементов. Может показаться, что старые священные узы крови уступили место общине правоверных, но, по сути, они продолжали существовать неизменными, хотя центр тяжести сместился с них на общину в целом. Каркас, который составлял организацию до тех пор, то есть племена, семьи и роды, был перенесен в новое содружество; вера в Аллаха не дала ничего иного, что можно было бы поставить вместо Него. Право мусульман на политическое равенство, вытекающее из идеи теократии, не предназначалось для того, чтобы устранить разногласия между сторонами. Мекканцы, так называемые мухаджиры, держались сами по себе; бок о бок с ними жили коренные племена арабов Медины, так называемые ансары, а также племена мединских евреев. Переселенцы оставались переселенцами, и рабы оставались рабами, даже когда принимали ислам.

Из самого раннего периода после хиджры, до битвы при Бадре, до нас дошел указ Мухаммеда, в котором содержатся некоторые основные пункты законов государства, имевших хождение в Медине в те первые времена. Он проливает свет на то, как изменились или не изменились прежние условия оттого, что Медина к тому моменту стала единой уммой. Умма – это не название старой арабской родственной связи, это слово всего лишь означает «община». Главным образом это религиозная община, и не только мусульманская, но даже более ранняя. Даже в упомянутом документе умма обладает неким духом религиозности⁴; это община Аллаха, установленная для обеспечения мира и защиты. Ею управляет Аллах и от имени его Мухаммед, которого, однако, не называют пророком. Узы единства обеспечены верой, правоверные – ее сторонники. У них есть главные обязанности и главные привилегии. И все же к умме принадлежат не только правоверные, но и все те, кто становится их союзником и сражается вместе с ними, то есть все жители Медины. Умма охватывает широкий круг, все окрестности Медины должны стать областью нерушимого мира. Среди ансаров еще есть язычники, но они не исключены из общины, а прямым текстом включены. Туда входят и иудеи, хотя они не так близки к умме, как мухаджиры и ансары, и не имеют одинаковых с ними прав и обязанностей. Степень общения нельзя назвать абсолютно равной, до сих пор сохраняется аналогия с прежними арабскими различиями между коренными жителями и переселенцами. Примечательно, что умма включает в себя как язычников, так и иудеев, а также и то, что в целом она состоит не из отдельных людей, а из союзов. Человек принадлежит к умме только через посредство рода и семьи. Семьям предписано оставаться такими, какие они есть, и в качестве таковых стать членами уммы. Нет даже представления о возможности появления нового принципа, согласно которому они могут стать членами общины. Даже главы семей остаются на своих местах и не заменяются, например, теократическими чиновниками. Что касается отношения уммы к семьям и определения взаимных обязанностей и обязательств, то семьи по-прежнему несут ответственность за расходы, не носящие исключительно частный характер, а

автономией. Поэтому она отличалась от государства, пусть даже и не в такой же степени, как христианская церковь на начальном этапе, поскольку она по крайней мере нашла прибежище в народе. Папские государства вообще нельзя сравнивать с ней, потому что там церковь не *была* государством, а *владела* государством. Старая израильская теократия сама по себе проявляет большое сходство с арабской, хотя, конечно, изначально в ней отсутствовала идея, что законным теократическим правителем является пророк, а не царь.

⁴ Вождь уммы – имам. Этимологически, однако, между этими словами нет прямой, а возможно, и косвенной связи. «Умма» происходит от корня «умм» («мать»); «имам», с другой стороны, от глагольного корня, обозначающего «стоять впереди».

именно выплату компенсации за убийство и выкуп пленных. Пока нет государственной казны. Клиентела тоже относится к родовым и семейным делам, и никто не может отнять клиента у другого. Не ограничена даже важная привилегия гарантированной защиты – иджара; любой может взять под свою защиту чужого человека и тем самым налагает это же обязательство на всю общину. Только на мекканских курайшитов, отъявленных противников Мухаммеда, не распространяется защитная сила иджары.

Умме семья обязуется отдать право на родовую вражду, то есть вражду с другими семьями Медины, ибо главная цель уммы – предотвратить внутренние распри. Когда возникают споры, их должен разрешать суд. «И если между вами произойдет спор в чем-либо, то вернитесь к суду Аллаха и Пророка». Но если внутренний мир нарушен насилием и злым умыслом, то не только пострадавший или его племя, но и вся община в целом, включая родственников самого преступника, обязаны выступить единой силой против него и доставить к отмстителю, чтобы тот заставил нарушителя по справедливости искупить вину. Месть за кровопролитие уже не может превратиться в семейную вражду. Она лишена того опасного элемента, который угрожает всеобщему миру и смягчается в талионе. Действительно, талион существовал еще до ислама, хотя он и не часто применялся, потому что слишком зависел от обеих сторон, чтобы иметь над ними какую-либо силу принуждения. Именно в Медине талион был впервые строго применен, потому что именно там Бог стоял выше крови и по крайней мере в теории обладал настоящим суверенитетом. Но пока еще талион не равнозначен собственно наказанию. Его исполнение по-прежнему находится в руках потерпевшей стороны, и от нее зависит, воспользуется ли она своим правом на месть или откажется и согласится на денежную компенсацию. Тем не менее это свидетельствует о переходе от мести к наказанию. То, что обязанность наказания была взята из рук индивидуума и передана общине, знаменует собой очень важный шаг: возмездие становится обязанностью государства и тем самым превращается в наказание. Этого достаточно, чтобы предотвратить междоусобицу. На территории Медины господствует общественный мир, всеобщий и абсолютный. Складывается не так уж много альянсов для защиты, так как есть семьи, на которые защита не распространяется или, по крайней мере, для них она не так эффективна, как следует. Существует только один общий мир – мир уммы.

Другая цель уммы – объединить семьи для защиты от внешнего врага. «Верные» взаимно обязаны помогать друг другу против «пришлых»; они мстят друг за друга, стоят друг за друга против всех чужаков. Долг мести врагу возлагается не на брата за брата, а на правоверного за правоверного. Фактически война таким образом лишается идеи кровной вражды, с которой она дотоле совпадала; она превращается в военное предприятие. Поскольку война с внешним миром является общей для всех правоверных, общим является и мир. Никто не может по собственной воле заключить мир, который не будет служить всем.

Тем не менее право племени или семьи на кровную вражду с чужаками полностью не отменено. Оно открыто для той же критики, что и аналогичная непоследовательность, которая заключается в том, что даже иджара, которая обеспечивает чужаку право на жилище в Медине, еще не отнята у индивида, хотя это долг общины в целом, и потому должна была быть привилегией уммы и ее вождя – имама⁵. Это разграничение между целой общиной и ее частями еще не вполне проведено. Умма еще не достигла своего полного расцвета. Но правоверные были ее душой во главе с пророком, они были закваской, духовно более сильным и целеустремленным элементом, который подстегивал движение и его пропаганду. По мере распространения веры сила уммы возростала.

⁵ Подобные же непоследовательности возникали до недавнего времени и у нас. Например, доктор Шнелле предоставил изгнанному Гофману фон Фаллерслебену право жить в своем поместье Бухгольц в Мекленбурге, которое получил во времена Германского союза. Очевидно, такое положение вещей имело свои преимущества.

Курайшиты, от которых Мухаммед и его сторонники бежали из Мекки, предстают отъявленными врагами уммы в вышеупомянутом устройстве мединской общины. Из мелкой вражды возникла упорная война, и эта война многое сделала для усиления внутренней мощи уммы. Первое серьезное столкновение при Бадре (2 год от хиджры) окончилось неожиданным успехом Мухаммеда. Эта блестящая победа была воспринята как то, что Бог даровал правоверным Свое одобрение, произвела глубокое впечатление и имела значительный моральный эффект. Кроме того, она очень помогла расширить влияние Мухаммеда, сломить сопротивление против него, придать исламу первостепенное значение в умме и слиться или порвать с чужеродными компонентами, которые до того считались терпимыми. Ислам перестал проявлять терпимость и стал действовать как деспотия террора в Медине. Эта перемена отмечена подъемом аль-мунафикун – сомневающихся и лицемеров. Язычники не смели больше оставаться язычниками внутри уммы, обстоятельства вынуждали их принимать веру, но они делали это со смешанными чувствами и не скрывали своего злорадства всякий раз, когда удача, казалось, отворачивалась от пророка. Иудеи были еще хуже. После битвы при Бадре, как говорит аль-Вакиди, положение дел изменилось в совершенно невыгодную для них сторону. Мухаммед сделал для них исключение и заявил, что они нарушили договор. Под надуманными предлогами он прогнал их и за несколько лет уничтожил все еврейские общины в оазисах Медины, которые образовывали там союзы, аналогичные союзам арабских племен. Он передал их ценные пальмовые плантации мухаджирам, которые дотоле не владели никакой землей или территорией, но полагались на гостеприимство ансаров в качестве инквизинов или находили себе пропитание за счет торговли или грабежа. Таким образом, он сделал их независимыми от ансаров, и они поселились в Медине и приобрели собственность. Так он укрепил и собственное влияние, поскольку мухаджиры были, так сказать, его личной гвардией, и, так как между двумя племенами ансаров – аус и хазрадж – по-прежнему тлел раздор, они приобрели решающее влияние.

После поражения при Бадре курайшиты собрались под предводительством Абу Суфьяна, чтобы взять реванш над Мухаммедом, и фактически одержали победу над ним на горе Ухуд близ Медины. Они, однако, не в полной мере воспользовались плодами своей победы, но лишь удовольствовались этой честью и отправились по домам. Поэтому контрудар не причинил пророку большого вреда; Мухаммед был готов к нему и вскоре сгладил нанесенный ущерб. Второе нападение курайшитов на Медину, в котором они прибегли к помощи язычников и иудеев, ни к чему не привело. Меньшие племена из окрестных областей стали союзниками борющегося содружества, сначала политическими, а потом и религиозными. Ислам продолжал сражаться и постепенно переходил из обороны в наступление. Аравия напряженно вглядывалась в великую вражду между язычеством и Аллахом, которую вели между собой Мекка и Медина.

Во время этой внешней борьбы с арабским язычеством удивительным образом произошла полная арабизация самого ислама. Мухаммед исходил из убеждения, что его религия по сути не отличается от иудаизма и христианства, и поэтому ожидал, что мединские иудеи примут его с распростертыми объятиями, но горько в них разочаровался. Они не признали его пророком, не признали его откровения равными тому, которым обладали сами, хотя поначалу из политических соображений вошли в основанную им умму. Поскольку они не считали, что иудаизм идентичен исламу, но скорее сопротивлялись против него, он со своей стороны противопоставил ислам иудаизму и даже христианству. Он так установил основные отличительные черты своей религии, которые нам кажутся малозначительными, но в действительности очень важны, что они уже не выражали общих точек соприкосновения между исламом и родственными религиями, а, наоборот, подчеркивали различия. Вместо субботы или воскресенья он сделал пятницу главным днем публичного отправления религиозных обрядов; он заменил трубы и колокола призывом муэдзина; он отменил пост в день Ашуры, великий день искупления; а вместо Великого поста назначил месяц рамадан. Хотя он упрочил ислам, педантично лишив его иудейских и христианских форм, он в то же время приблизил его к арабизму.

Мухаммед всегда считал себя пророком, посланным специально к арабам, пророком, получившим и передавшим на арабском языке то откровение, которое содержалось в Торе и Евангелии. По-видимому, он никогда не испытывал симпатии к Каабе в Мекке и отвергал бога Каабы, но теперь обстоятельства заставили его сделать гораздо более решительный шаг. Он изменил киблу и повелел во время молитвы обращаться лицом не к Иерусалиму, а к Мекке. Мекка была объявлена святыней вместо Иерусалима, истинным местом Аллаха на земле. Он утвердил паломничество к Каабе и даже целование священного камня; так в ислам вошел центр языческого поклонения и популярный языческий праздник. Как обычно, чтобы оправдать это присвоение, он призвал на помощь историю. Было сказано, что мекканская святыня и культ первоначально были единобожными и основаны Авраамом и лишь в последующие времена выродились и превратились в языческие. Отец веры Авраам был изгнан иудеями и стал основателем доисламской религии арабов с ее святыней в Мекке, и таким образом ислам решительно отделился от иудаизма и стал национальной религией арабов.

Таким способом Мекка была уже духовно вписана в ислам еще до завоевания, которое последовало на 8-м году от хиджры. Оно приняло форму капитуляции, договор о которой был заключен с Абу Суфьяном. Опасение, что из-за ислама город утратит силу притяжения религиозной святыни для арабов – власть, благодаря которой он существовал, – было заранее устранено. На самом деле Мекке скорее был выгоден тот факт, что она единственная из святых мест прежнего языческого культа сохранила свое святилище и праздник в окрестностях, а все остальные святилища были упразднены. Война с Мухаммедом нанесла тяжелые потери курайшитам. Теперь он приложил все усилия, чтобы заставить их осознать, насколько они выиграют от дружбы с ним, для чего делал подарки их вождям и осыпал многочисленными знаками своего расположения. Эти способы привлечения их в ислам он назвал «завоевание сердец». Мухаммедом также двигало глубокое сочувствие своему родному городу, и он так далеко зашел в стремлении примириться с ним, что ансары боялись, как бы он не сделал его штаб-квартирой своего правления и не оставил Ясриб. Но эти страхи оказались беспочвенными; Ясриб оставался Мединой, то есть городом верховной власти. Не Мухаммед удалился в Мекку, а честолюбивые курайшиты, которые хотели держаться поближе к нему и к правительству, переместились в Медину во главе с Абу Суфьяном и бану умайя. Но это не было преимуществом для ансаров; мухаджиры, не только из Мекки, но и со всей Аравии, продолжали набирать силу в их городе, так как Медина активно привлекала деятельных людей, которые рассчитывали сделать там себе состояние, и пророк принимал их без вопросов как долгожданное дополнение к своей власти, невзирая на то что они могли быть людьми не самой незапятнанной репутации.

Арабские племена до той поры предоставляли события их естественному ходу. После захвата Мекки и победы над хавазинитами, которые последовали вскоре, они один за другим сдались перед завоевателем и перешли в ислам. Это были действия не отдельных людей, а вождей от имени их народов. Представители племен и старейшины капитулировали перед Мухаммедом и постарались добиться максимально выгодных условий для своих людей, да и для себя. Если в племени был внутренний раздор из-за того, кто должен быть вождем, то стороны пытались взять верх над противником при помощи ислама. Мухаммеду очень часто подворачивались такие благоприятные возможности, и в силу этого переход в ислам был политическим действием, актом присоединения к содружеству Медины. Принимались только внешние формы и символы мусульманской веры, особенно молитвы с азаном (призывом на молитву) и закятом (налогом в пользу бедных). Проповедники явились лишь после того, как переход был завершен, и ввели поклонение Богу и научили элементам религии и закона. Требовалась только внешняя приверженность исламу; фактически это была слепая вера.

Включение всей Аравии в круг ислама было закреплено в ночь аль-бараа в 9 году от хиджры и хиджат аль-вада в 10 году. Культ в Мекке и отправление обрядов в ее окрестностях

были объявлены исключительно мусульманскими. Язычники больше не осмеливались принимать в них участие. Их оттеснили от их собственного – чисто языческого – наследия, и ислам предъявил претензии не только на Мекку, но и на всю Аравию. Все арабы, которые до той поры оставались язычниками, в силу этого оказались вне закона, но «Мир Божий» был открыт для тех, кто перешел в теократию; междоусобицы больше не допускались. Ислам отменил прошлые и древние основания для вражды, все требования и долги кровной мести считались «растоптанными». Это была «сисахфия» совершенно иного рода, нежели реформа Солона, в том, что она была гораздо более широкой и тщательной. Из одной мединской «клетки» теократия разрослась и распространилась по всей Аравии.

Племена и их аристократия пока еще продолжали существовать, но находились под своего рода надзором посланцев Мухаммеда и были полностью объединены в государстве, центр власти которого пребывал в Медине. Основание этого государства, которое, даже если оно и не было очень сплоченным, все же давало защиту от анархии и всеобщего разложения, стало краеугольным камнем трудов пророка. Мухаммед умер не мучеником, но в самом зените своего успеха. Едва ли можно обвинить его в том, что он создавал Царство Божие на уже имевшемся естественном фундаменте, даже если обстоятельства часто вынуждали или побуждали его прибегать к нечестивым средствам и использовать Аллаха в качестве предлога, но все-таки не следует расценивать его как лицемера.

Арабские племена считали, что поклялись в верности только одному пророку, – согласно распространенному взгляду, что клятва верности относится исключительно к тому человеку, которому она принесена. После смерти Мухаммеда они отпали не столько от Аллаха, сколько от Медины. В самой Медине тоже сложилось сомнительное положение, но теократия преодолела кризис, вызванный сменой правителя, и напомнила Аравии о повиновении. Лучшим средством закрыть брешь было расширение вовне, поскольку это был прямой способ подавления внутренних беспорядков. Через джихад – священную войну – мятежные племена удалось привлечь к интересам ислама и примирить с ним. Пропаганда веры была по большей части лишь предлогом для войны. Призыв к врагам Аллаха обратиться в ислам был формальностью перед началом военных действий; никто даже не предполагал, что они в самом деле на это согласятся. Одно правило было для арабов, другое – для «чужаков». У арабов не было выбора, им пришлось принять ислам, и эта тенденция нетерпимости ко всем религиям, кроме религии Мухаммеда, распространилась на всей территории полуострова⁶. Уравнивание ислама и арабизма зашло настолько далеко, что никто не мог быть мусульманином, если не был при этом членом арабского семейства или не породнился с ним. С другой стороны, неарабов не принуждали к обращению в ислам; предполагалось, что они будут и дальше придерживаться своей религии. Не будучи арабами, они не принадлежали к коренным гражданам теократии; никто не предполагал, что неарабы войдут в их число, от них ждали только подчинения; это и было целью войны.

Так из национального государства, основанного Мухаммедом, после его смерти возникло царство, господство теократии над миром. В нем было два вида приверженцев, которые отличались друг от друга и политически и религиозно. Господствовали в нем арабы, будучи мусульманами, а также воинами и завоевателями. Община Мухаммеда была полностью преобразована в армию; молитва и пост и другие благочестивые занятия стояли на втором месте после джихада. В таком виде ислам стал ясен и для бедуинов. Это было знамя, которое вело их к победе и добыче или, в худшем случае, в рай. В захваченных провинциях теократия в новых условиях была организована как армия. Перечень ее подданных был военным реестром, племена и роды составляли полки и роты. В него включались не все арабы, а только годные к строевой службе, мукатила, то есть бойцы и защитники. В противоположность тем, кто остался дома, мукатила

⁶ Бану таглиб, которым разрешили остаться христианами, жили в Месопотамии.

также называли мухаджирами, то есть теми, кто отправлялся в крупные военные центры, из которых и управлялась и велась война. Хиджра уже означала не бегство, а переселение (вместе с женой и детьми) в военно-политический центр, чтобы нести там службу⁷. Полные права гражданина можно было получить только в войске, а также в столичных и гарнизонных городах; бедуины, которые бездействовали в своих усадьбах, со своими стадами, не признавались полноправными гражданами, а может быть, даже и сторонниками. Первым Дар аль-исламом или Дар аль-хиджрой была Медина, куда сначала и направился поток «активных» мужчин; позже добавились столицы провинций (миср; мн. ч. мусур), туда тоже можно было совершить хиджру. В Сирии выбор пал на старые, уже существовавшие города, а в других местах были созданы новые военные поселения, такие как Фустат в Египте, Кайруан в Римской Африке и особенно Басра и Куфа в Ираке.

Из этих пунктов, где разместились главные штабы, арабы держали в повиновении провинции; это было абсолютное военное положение. Эмиры, под руководством которых покорялись области, были первыми «штатгальтерами», наместниками, и их преемниками прежде всего становились военные командиры. Но так же, как армия была одновременно и уммой, так и эмир был одновременно и имамом, который вел службу в мечети, особенно в пятницу, день проповеди. Он был «аль-харб вассалат»; и война, и богослужение относились к сфере его полномочий. Наряду с этим он, естественно, обладал исполнительной властью, а следовательно, и судебной, в чем и заключается сила повелевания миром. Сначала эмир отправлял правосудие лично, позже он стал назначать кади в столице⁸.

В целом он передал ведение внутренними делами и до некоторой степени принятие судебных решений самым заинтересованным кругам, поскольку даже в захваченных провинциях арабы сохраняли свою древнюю родовую систему. Но довольно скоро начали складываться различия. На арабской родине сравнительно небольшая группа образовывала реальный союз, чтобы вместе пасти свои стада и кочевать. Эта группа причисляла себя наряду с другими племенами к группам, чья важность возрастала, но фактически от них мало что зависело. Ситуация изменилась под влиянием громадного притока людей из-за границ пустыни. Как правило, все племя не отправлялось из родного поселения, чтобы «телесно» переселиться в одно и то же место, но части племени были рассеяны повсюду, части, которые не могли существовать сами по себе. Поэтому, чтобы обрести необходимую солидарность, они заключали более тесный союз с частями родственных племен, принадлежащих к аналогичной группе, стоящей на более высокой ступени. Это было тем легче, что уже оставалось не так много мест для эмиграции, как было прежде, и люди были сосредоточены в колониях и жили в самой тесной связи друг с другом; например, Куфа была образцовым показателем разветвленных этнических связей пустыни. Таким образом, можно понять, что благодаря определенной интеграции более крупные союзы приобрели реальную важность, которой они никогда не имели прежде и которой они едва ли когда-либо потом обладали в самой Аравии. Сочетание других обстоятельств способствовало этой тенденции к образованию групп, которые сыграли важную роль во внутренней истории Арабской империи.

Отличие от арабской военной знати неарабы были подданными⁹, то есть их жизнь проходила в подчинении и зависимости. Они составляли финансовую основу государства. Они должны были обеспечивать своих господ посредством взимаемой с них дани, налога на подданных, который был гораздо более обременительным, чем так называемый налог в пользу бедных для мусульман, что и вызывало возмущение. Арабское правительство, насколько это

⁷ Это и означает «хиджра»; «Ты оставил дом не ради рая, а ради хлеба и фиников».

⁸ При Умаре I такого чиновника еще не существовало. Предположительно, в то время не существовало споров. Впервые мы слышим о кади в Куфе во времена Муавии или Язида I.

⁹ Я использую слово «подданные» в этом более узком смысле, чтобы отличить их от арабов, которым фактически принадлежало государство.

было возможно, проявляло даже еще меньший интерес к своим внутренним делам, чем к племенным. В бывшей римской провинции епископы часто становились также гражданскими главами общины; в персидской провинции дехкане таковыми и оставались. Эти местные вожди несли ответственность за сбор налогов в своей местности; правительство не утруждало себя иной задачей, кроме как наблюдение за поступлением этих налогов. Дело наместника состояло в том, чтобы держать подданных в достаточном повиновении, дабы они исправно платили дань. Впоследствии наряду с ним часто назначался независимый финансовый чиновник, что не встречало его особого одобрения, поскольку в таком случае его роль заключалась лишь в том, чтобы держать корову за рога и не давать ей уйти, пока ее доит кто-то другой.

Старое арабское право разбоя, в несколько измененной форме санкционированное Мухаммедом в Коране, составляло основу налогообложения подданных и регулирования их положения в целом. Когда город или область сдавались мусульманам без борьбы (сулхан), их жителям сохраняли жизнь, свободу и собственность, но они должны были платить дань за милосердие и защиту, взимавшуюся либо в виде единовременной выплаты, либо в соответствии с заключенным договором о капитуляции¹⁰. Но если их побеждали силой оружия (анвтан), они попали под действие закона войны, то есть лишались всех прав; они сами и все, чем они обладали, становились добычей победителя. Пятая часть предназначалась Богу, то есть государству, даже общинные земли и имущество, брошенное его владельцами, попадали в казну. Все остальное, и не только движимое имущество, но и земля и люди, следовало поделить по закону, и не среди мусульман вообще, а среди воинов того самого войска, которое одержало эту самую победу. Так, однако, не могло продолжаться долго. Невозможно помыслить, чтобы переход из рук в руки такой огромной массы продолжался без помех, не говоря уже о тех лишениях, которым из-за него подвергались низшие классы, только обрабатывавшие землю и не владевшие ею. Арабы не могли бросить жребий между собой за половину мира, так чтобы не превратить его в пустыню. Но они не решались и распределиться по обширной территории, чтобы управлять ею. Если они не хотели потерять свои позиции, единственным способом было сконцентрировать военную силу. «Сила моей общины, – якобы сказал Мухаммед, – опирается на копыта лошадей и острия копий, пока воины не возделывают землю; если же они начинают это делать, они ничем не отличаются от остальных». И, кроме того, они должны были думать о будущем. Если всю добычу сразу же делили между первыми и фактическими завоевателями, она утекала сквозь их пальцы так же быстро, как и приобреталась. Таким образом, земля рассматривалась как надежный капитал и передавалась в качестве лена ее прежним владельцам, так что им приходилось платить проценты, и эти проценты шли только арабским воинам и их наследникам – не капитал, а доход¹¹. Фактически городам и местностям, захваченным силой оружия, приходилось ненамного хуже, чем тем, которые сдавались добровольно, и даже дань и в том и в другом случае называлась одинаково¹², только во втором случае дань была юридически закреплена и ее нельзя было произвольно изменить¹³.

Так возникла разница между ганимой и фаем в период после Мухаммеда. Ганима – это добыча, доставленная в лагерь в виде движимого имущества, а также пленники; она и прежде и теперь делилась между воинами. Фай, с другой стороны, – это добыча в виде недвижимого имущества и живущих там людей, и ее не делили, а оставляли прежним владельцам после

¹⁰ В некоторых случаях они несли военную службу на границе, и тогда им не нужно было платить дань, поскольку считалось, что дань является платой за свободу от военной службы и за то, что ее несут арабы.

¹¹ Это то же самое, что и дань в Быт., 47, которую египетские крестьяне должны были платить фараону в знак того, что их земля на самом деле принадлежит фараону, а они его податники.

¹² «Вся земля в Саваде, которая орошается каналами, – харадж» (*Яхья*).

¹³ Также во многих случаях первые позже фабриковали договоры о капитуляции, что было нетрудно, учитывая плохое владение дипломатией и историческую неизвестность, в которую вскоре погрузились бурные времена завоеваний.

выплаты дани, так что настоящие владельцы (согласно закону войны) получали только ренту¹⁴. Но государство собирало плату через своих должностных лиц и не выплачивало полную сумму ежегодно законному мукатила или его наследникам. Им выплачивали только фиксированную пенсию, а остальное шло в государственную казну. Таким образом, организация завоеваний в значительной степени ограничивалась военной оккупацией для эксплуатации подданных. По сравнению с предыдущим положением вещей мало что изменилось. Правящая власть стала другой, но положение *misera contribuens plebs*¹⁵ осталось таким же, как и раньше. Арабская администрация ограничивалась финансовыми делами, арабское правительство было счетной палатой. Арабы сохранили греческих и персидских служащих – единственных специально подготовленных чиновников, которыми арабы располагали. Они также в основном сохранили старые названия и виды налогов и не внесли особых изменений ни в ставки, ни в процедуру взимания. Если бы те два мединца, которые, как говорят, измерили и распланировали Ирак, были в своем уме хоть наполовину, они и эту половину использовали слишком экономно. Во многих случаях халиф санкционировал лишь временные меры своих военачальников, действия которых зависели от местных условий.

Большинство завоеваний имели место во времена халифа Умара, и он считается их организатором. Как мы видели, он не создал никакой новой системы, но именно он был причиной того, что право арабов на добычу было отменено и государство встало между армией и подданными. В какой-то степени он защитил подданных и на основе их способности выплачивать налоги укрепил государство в противовес армии.

Развитие политического законодательства шло не в ногу с развитием политической власти. В старой арабской традиции отсутствовала какая-либо практическая наука об управлении государством, как и в идее теократии. Этот недостаток становился ощутимым сразу же, как только вставал вопрос о том, кому принадлежит главенство в теократическом правительстве.

При жизни Мухаммеда этот вопрос не возникал. Пророк был представителем Бога, истинным теократическим правителем; теократия подходила ему как нельзя лучше. Однако предположение, что с его смертью настанет час последнего суда, не оправдалось. Мир не был разрушен, и Мухаммед умер, не позаботившись о том, чтобы его паства не осталась без пастыря. Он, конечно, оставил ей Коран и вдобавок к нему сунну, то есть путь, по которому он сам ступал, дорогу, которую он указал своей собственной жизнью, но ни в Коране, ни в сунне невозможно было найти ответ на вопрос, кто должен стать его преемником. Тем не менее из Корана и сунны следовало, что преемник не нужен; фигура единого религиозного и политического вождя представлялась незаменимой. Не существовало ни установленного метода его избрания, ни права наследования пророку. Смерть Мухаммеда, казалось, покончила с теократией, хотя многие благочестивые люди не поверили бы, что это возможно. Арабские племена отпали от Медины, а в ней самой возникла угроза раскола. Поскольку никакие условия правопреемственности не были оговорены, единственное возможное решение заключалось в скорейшем захвате власти. При Мухаммеде его старейшие мекканские сторонники и друзья, которых было немного, стояли ближе всего к верховной власти; они были, так сказать, первыми плодами веры, теократической знатью, знатью подлинно исламской по происхождению и характеру. Они фактически не имели официальных постов, но просто составляли круг советников пророка и оказывали на него очень большое влияние, а теперь, лишившись его защиты, они не допустили, чтобы власть выскользнула у них сквозь пальцы, и твердо взяли бразды правления в свои руки, когда те выпали из рук Мухаммеда. Главным из них с точки зрения интеллекта

¹⁴ Слово «фай» происходит из Корана (59: 6, 7), но разница между ганимой и фаем там не объясняется, а помещается вне закона. Это слово фактически означает «возвращение», но используется не только для обозначения процентов, но и самого капитала. Мусульманские законоведы, естественно, хранят первоначальное различие между ганимой и фаем и не признают, что оно возникло только в результате практического применения, вопреки Корану.

¹⁵ Жалкий податный народ (*лат.*). (*Примем. пер.*)

был Умар ибн аль-Хаттаб, которого можно считать основателем второй теократии, теократии без пророка. Он был высокого роста, быстро двигался, громко говорил, был силен в бою и всегда изображался с кнутом в руке. Он не ходил вокруг да около и не нашептывал, как лицемеры, но был искренне богобоязнен и никогда не болтал лишнего. Сначала он поддержал Абу Бакра, самого доверенного друга Мухаммеда, и лишь после смерти Абу Бакра, которая случилась вскоре после этого, он официально взял власть в свои руки. Абу Бакр передал ее Умару в своей последней воле¹⁶, но это стало лишь подтверждением того, что уже было признано всеми. Абу Бакр прекрасно понимал, что у них нет законного титула для правителя и они лишь узурпировали его. Все, что они смогли сделать, – это впоследствии узаконить свою изначально незаконную власть, используя ее в соответствии с идеей теократии. Поскольку Аллах больше не властвовал через Своего живого полномочного представителя, они обеспечили Его власть тем, что приняли в качестве правил поведения его слова – Коран и пример Его посланника – сунну. Они хотели, чтобы их рассматривали только как временных представителей единственного полноправного правителя теократии – пророка, и выразили это в том, что приняли в качестве официального титула слово «халиф», то есть «наместник». Абу Бакр называл себя наместником Божьего посланника, а Умара – наместником наместника Божьего посланника, пока такое наименование не стало чересчур церемонным, и тогда слово «халиф» без цепочки родительных падежей превратилось в самостоятельное название. Кроме того, они носили титул эмира правоверных.

Влияние старейших и самых выдающихся сподвижников пророка, из числа которых вышли первые халифы, разделяло и родственное им племя курайшитов, и не только та его часть, которая переселилась в Медину в год бегства, или по крайней мере до завоевания Мекки, но и та, что приняла ислам лишь после того, как была принуждена к этому после завоевания. Кровь утверждала свою силу рядом с верой. Несмотря на то что курайшиты сопротивлялись исламу, сколько могли, все их племя чувствовало себя вправе занимать главенствующее положение в теократии, потому что Мухаммед вышел из него и их притязания поддерживал и он сам, и его сподвижники. Даже у арабов, как правило, считалось в порядке вещей, что правящая власть по-прежнему оставалась если и не в руках одной семьи, то все же в пределах одного племени или рода и считалась его общим достоянием, хотя ею обладал только один человек. Лишь ансары упорно боролись против верховенства курайшитов в исламе. Сначала они радушно приняли их как беженцев и предоставили им жилье, помощь и защиту. Они также не возражали против того, что Мухаммед всячески выделял своих мекканских сторонников, или против того, что они сами вели самые тяжелые войны, а кто-то другой (курайшиты) забирал львиную долю добычи, например при разделе имущества изгнанных евреев. Но со временем у них возникло чувство, что призванные ими духи слишком много на себя берут, и попытались показать, что сами будут хозяевами в своем собственном доме и не станут довольствоваться подачками гостей. Нередко их негодование вырывалось наружу. Особенно его подстегнул бывший влиятельный вождь племени хазрадж, который считал себя ущемленным пророком. Этот человек сразу же пробудил ревность и у другого племени – аус. Опасность прежнего раскола еще не исчезла, и ситуация сыграла на руку третьей стороне, не вступавшей в эту ссору. В таких условиях Мухаммеду было легко сохранить расположение ансаров, но они также были обязаны ему тем, что он спас их от самоуничтожения, и, когда они вспоминали об этом, они понимали, что тоже не могут обойтись без него. Их очень тревожила мысль, что он может покинуть их город и после захвата Мекки отправиться туда и поселиться там. Так все продолжалось, как и началось; курайшиты продолжали укрепляться в Медине, поддержанные многочисленными переселен-

¹⁶ Последняя воля умирающего издавна имела особую силу у арабов. Во время войны эмир имел право и обязанность назначить на случай своей смерти заместителя, а часто и заместителя этого заместителя и т. д. Мусульмане, однако, считали себя войском.

цами из других племен, которых также называли мухаджирами. Ансары по-прежнему находились в шатком большинстве и все больше отступали на второй план. После смерти пророка они еще раз предприняли серьезную попытку отстоять свое право на власть в собственном городе или по крайней мере на свою автономию. Они забыли, что Медина давно уже была не *их* городом, а городом пророка и он превратил ее в нечто совершенно иное – в центр Аравии и ислама. Их застигли врасплох быстрые действия Умара и других сподвижников Мухаммеда, а затем их разделили собственные старые разногласия, так что в конце концов они оказались в меньшинстве по причине постоянного притока бедуинов из окрестностей, которые встали на сторону мухаджиров против них.

К счастью, в это время произошло крупное восстание арабских племен против Медины, и перед лицом общей внешней опасности внутренние ссоры сошли на нет. В соответствии с традициями ансары снова встали в первые ряды в борьбе с врагами; они также играли главную роль в завоеваниях, особенно в Сирии. Они составили костяк мусульманских сил, но не имели права назначать вождей. Более того, они все еще оставались в определенной оппозиции к правителям, но их сопротивление колебалось вместе с общим сопротивлением благочестивых теократов против существующей власти. Медина как место оппозиции, исламской традиции и подавленной исламской аристократии появляется позже и всегда как единое целое; совершенно ошибочно в этой связи думать только об ансарах. Даже в великом восстании, которое закончилось в Харре, они объединились с мухаджирами против Омейядов; они пошли за курайшитскими претендентами и не боролись за свое собственное влияние в качестве отдельной стороны¹⁷. За исключением, может быть, хариджитов, главенство курайшитов признали, хоть и неохотно, все стороны. Они занимали нейтральную позицию в отношении соперничества племен, которые одно за другим отдавали верховную власть курайшитами в ущерб себе, как бы порой их ни раздражали эти урожденные дольники государства.

Курайшиты действительно в тот момент были не особенно сплочены. Первоначально они были всего лишь последователями пророка и его старых сподвижников; только через них, будучи из одного с ними племени, кровными родственниками, они приобрели важность в исламе. Но теперь среди них возникло опасное сочетание истинной мусульманской аристократии сподвижников.

Это произошло после смерти халифа Умара, когда снова встал вопрос о преемнике. Умар не оставил завещания в пользу Али, который претендовал на власть, как двоюродный брат и зять пророка, и считал, что им и без того уже пренебрегли. Умар предпочел открытые выборы как способ назначения халифа вместо него. Но шура – орган, который должен был совершить этот выбор, – включал в себя отнюдь не всю общность мусульман. С провинциями никто не посоветовался; одна Медина представляла собой полис, а в

Медине с ансарами вообще считались мало, как и с курайшитами в целом. Шура фактически состояла только из шести остававшихся в живых старейших сподвижников пророка, и они наверняка должны были выбрать кого-то из своего числа, как конклав кардиналов выбирает папу. Остальной народ Медины имел только право или обязанность принести клятву верности избранному. Это событие должно было состояться после выборов в Медине.

Шесть сподвижников со своей стороны обошли Али. Они не хотели признавать его приоритета и решили назначить уже престарелого Усмана ибн Аффана из дома Омейядов. Он был самым непритязательным и наименее влиятельным, и именно по этой причине он и пришелся

¹⁷ Есть мнение, что ансары формировали ядро более поздней оппозиционной партии йеменцев. Я не могу найти для этого взгляда никаких оснований. Йеменцы в Сирии были кальбитами, в Куфе – хамданитами, мазиджитами и киндитами, в Басре и Хорасане – аздитами, последние из них наименее важны. Ансары не имели никакого отношения ни к кому из них. Они также не очень интересовались шиитами, хотя и были сторонниками Али при его жизни. То, что Алиды считали Медину своей родиной и пользовались там уважением, – это другой вопрос.

им по вкусу, ведь им нужен был деревянный чурбан вместо царя¹⁸ и они не желали второго Умара. Но результат их разочаровал, потому что слабость Усмана не принесла пользы никому, кроме его собственного рода, чьему давлению он уступал – сознательно или не задумываясь. Омейяды, как и родня пророка, принадлежали к потомкам Ибн Абд Манафа и были богаче, влиятельнее и могущественнее, чем бану хашим и мутталиб. После Бадра они заняли место бану махзум, силы которого были сломлены в этой битве, и благодаря их мудрому вождю Абу Суфьяну добились главенствующего положения в Мекке и стали главными фигурами в длительной борьбе курайшитов против Медины и Мухаммеда. Хотя в этой борьбе они проиграли, они не потеряли из-за этого своего влиятельного положения и сохранили его в новом содружестве, к которому им пришлось присоединиться. Мухаммед облегчил им вступление в это содружество и очень старался показать им, что для них не позорно присоединиться к нему. Когда Мекка потеряла политическое значение, они переселились в Медину и вскоре заняли там руководящие посты, и, приспособившись к новым временам и подлаживая свою веру к обстоятельствам, они приобрели известность благодаря тем самым событиям, которые грозили им гибелью. Уже при Абу Бакре и Умаре Язид, сын Абу Суфьяна, а после смерти Язида его брат Муавия достигли высокого положения в провинциях, если не в самой Медине. В лице Усмана Омейяды фактически добились халифата, потому что его правление было правлением дома, к которому он принадлежал. Он назначил своего двоюродного брата Марвана управляющим в Медине и предоставил ему править, и тот поставил на все должности своих родственников. Тем самым он вызвал недовольство других членов шуры. Их было пятеро: Али, Абдуррахман ибн Ауф, Тальха, Ибн аз-Зубайр и Ибн Абу Ваккас. У последнего не было политических амбиций, а Ибн Ауф умер еще раньше самого Усмана, но этих двоих заменила Айша, молодая вдова пророка, которая занимала равное с ними место в высшем совете ислама и пользовалась большим уважением. Высокопоставленные сподвижники пророка в том положении, которое они занимали до того, оказались под угрозой из-за создания династии; это было причиной их враждебности к Омейядам. Разве могли они, представители подлинной теократической знати, уходящей своими корнями в зарождение ислама, стерпеть, что их вытесняет старый знатный языческий род, возглавлявший курайшитов в борьбе против ислама? Сначала они попытались отвести халифа от его клики, как они ее называли, а когда это не удалось, обратились против самого халифа. В Медине они сделали все, что могли, чтобы подорвать его авторитет, и поддерживали недовольство арабов в провинциях.

Началось брожение, во всяком случае в провинциях, то есть в городах, где жили арабы. Прекратились великие завоевательные войны, и времена изменились. После сумятицы последовал покой, отрезвление после разгула. Арабских защитников больше не заставляли служить в полевых условиях, у них появилось свободное время, чтобы задумываться. Пока ганима, фактическая добыча, постоянно поступала к ним благодаря непрерывным военным кампаниям, они мирились с тем, что правительство забирало себе фай – имущество завоеванных народов и их самих, так как арабы не знали тогда, что с ними делать. Но теперь они поняли, что среди бурь и лишений того времени они невольно позволили забрать у себя самую ценную часть добычи. Если бы теперь они получили оплату размером по крайней мере с полный фай, то есть годовую сумму налога с подданных, они бы не возражали, но, как мы видели, этого не произошло. Этот налог вместе с остальными государственными доходами шел в казну; правительство лишь выплачивало из него пенсион арабским воинам. Оно владело кошельями, содержимое которых на самом деле принадлежало армии. Оно получило независимость от армии благодаря завоеваниям, которые совершила армия и которые были по праву ее добычей, поскольку оно не разделило между воинами земли и людей, а прикарманило собранные с них налоги. И армия стала зависимой от него благодаря выплатам, которые правительство могло выдавать

¹⁸ Ссылка на басню Эзопа «Лягушки, просящие царя». (Примеч. пер.)

или отбирать по собственному усмотрению. Правительство когда-то пользовалось поддержкой армии, теперь армию поддерживало правительство. Неудивительно, что мукатила считали себя обманутыми этим подлым государством, основой которого была казна, и благодаря ей оно возвысилось над ними и держало в повиновении. Они утверждали, что деньги, собранные в качестве дани, принадлежат им, а не государству, что это мал аль-муслимин, а не мал Аллах. Они придерживались своих требований о том, что фай должен быть поделен; когда они получили такую возможность, они разграбили казну провинций и не могли стерпеть того, что излишки должны были уйти в государственную казну. Их ревность к государству была естественным образом направлена против его функционеров, распорядившихся властью и деньгами. Они считали несправедливым, что чиновники, так сказать, отогнали их от кормушки¹⁹.

Собственно говоря, это был протест против системы Умара. Ибо Умар был тем, кто вырвал фай из рук войска и передал его государству, вопреки Корану, хотя и в соответствии с тенденцией налогообложения, которой в значительной мере уже следовал Мухаммед²⁰. Тот факт, что недовольство возникло и распространилось не при Умаре, а при Усмани, можно объяснить не только изменившимися временами, но и разницей между личностями правителей. Усман справедливо сказал, что против него говорили такое, чего никто не осмелился бы сказать против Умара. Ему не хватало властности и авторитета, которыми обладал его предшественник, поэтому деспотизм и самонадеянность функционеров и чиновников при нем усилились по сравнению с правлением Умара, которого они боялись, и это выглядело тем хуже, что он имел обыкновение назначать их из числа своих родственников. Складывалось впечатление, что халифат стал прерогативой нескольких привилегированных личностей, которым было позволено кормиться за счет провинций.

Высокопоставленные сподвижники пророка встретились в Медине с представителями провинций. Они обладали подавляюще большей частью капитала, особенно ансары во главе с Али, Тальхой и Ибн аз-Зубайром, чтобы поддерживать их в ненависти к клике Усмана, ненависти, которая в их случае возникла по совсем иному поводу. Для них было простой задачей придать соперничеству с Усманом нужный религиозный акцент, заявить претензии на роль истинных представителей старой подлинной теократии и защитников Корана и сунны, а также использовать общее недовольство к своей выгоде. При всей своей дерзости и непокорстве в поступках по отношению к Усману они не хотели открыто объявлять ему войну при поддержке жителей Медины. Они предпочли разбередить провинции, которые в какой-то мере обладали военной и финансовой мощью государства, в то время как в Медине был сосредоточен только моральный авторитет ислама. В 34 году от хиджры (654–655) они писали в провинции: «Если вы хотите начать священную войну, то ее место теперь у нас в Медине». Первый ответ это обращение нашло в Куфе, главном сосредоточии оппозиционных мукатила. В конце 34 года (июнь 655 года), когда наместники во время хаджа, как обычно, находились в Мекке вместе с халифом, там вспыхнуло восстание под предводительством Малика аль-Аштара, видного йеменца и преданного друга Али. Тысяча человек из Куфы встала перед городом и преградила вход своему наместнику Саиду, когда он вернулся из Мекки. Однако Усман сместил Саида без дальнейших церемоний, дал повстанцам того наместника, который был им по вкусу, и таким образом на время успокоил их.

Тогда вместо куфийцев египтяне отправились в Медину. В Египте вместо завоевателя Амра Ибн аль-Аса Усман назначил своего двоюродного брата Ибн Абу Сарха, хотя Мухаммед объявил того вне закона. Поэтому Амр, человек очень опасный, был его врагом, способствовал

¹⁹ Светское название для понятий «правление», «господство», «государство» – это султан, религиозное – Аллах. Слово «султан» происходит из арамейского и означает именно вдовела, власть; <г>рүтг|<; господство, а не кврүс;, господин.

²⁰ Мухаммед уже отобрал в пользу государства то, что было взято без борьбы. Даже в конфискации старой химы (мн. ч. ахма) и выделения новой химы в качестве пастбищ для верблюдов и лошадей в составе государственного имущества Мухаммед предвосхитил Умара и таким образом подал пример для конфискации владений.

усилению недовольства против него в Медине и, вероятно, не постеснялся сделать то же самое и в Египте. Другими тамошними мятежниками были Мухаммед ибн Абу Хузайфа, приемный сын халифа, и Мухаммед ибн Абу Бакр, ревностный сторонник Али. В великой морской битве с императором Константином у ликийского побережья они отделились на своем корабле от арабского флота, сказав, что воины покидают истинную священную войну. Они предъявляли озлобленные обвинения Усмани, в частности упрекая его в том, что он поставил своих родственников на все прибыльные места и таким образом посеял опасное семя. Это случилось в 34 году от хиджры. В следующем году полтысячи арабов из Египта послушались призыва к одобренной Богом войне с внутренним врагом. Они предстали перед Мединой примерно в десятом месяце 35 года (апрель 656 года), выдвинули халифу определенные требования и угрожали насилием, если он их не удовлетворит. Жители Медины, за редким исключением, встали на их сторону и поддержали их. Поскольку Усман, правитель самого на тот момент мощного государства в мире, не имел в своем распоряжении абсолютно никаких внешних сил, он снизошел до переговоров с чернью. Ему удалось убедить египтян вернуться, пообещав им загладить их обиды, но, как только они ушли, он снова укрепил свое положение при поддержке Марвана и родственников из Омейядов. В следующую пятницу он выступил в мечети с речью, в которой утверждал, что египтяне осознали свои ошибки и поэтому отступили. Тогда люди Медины, из которых состояли присутствовавшие на богослужении, пришли в ярость и, не довольствуясь одними упреками, так побили старика, что он лишился чувств и его пришлось нести домой. Это было его последнее публичное выступление в мечети. Тогда мединцы стали группами появляться перед даром²¹ Усмана, который находился неподалеку от мечети, не обращая внимания на требования разойтись. Через несколько дней египтяне внезапно вновь появились на сцене, принеся с собой роковое письмо от халифа, которое и предъявили ему²². Он отрицал, что написал его, и заявил, что ничего о нем не знает. «Разве такое может случиться против твоей воли? – сказали они. – Тогда ты не наместник!» Но он категорически отказался согласиться с этим намеком на отречение и заявил: «Я не стану снимать с себя одежды, в которые облачил меня Бог». Начиная с того времени он фактически находился в осаде; его слуги и гости, а также несколько родственников обороняли его в дар. Мединцы отпустили египтян восвояси; если бы они захотели, им было бы нетрудно справиться с несколькими сотнями человек. Они подняли восстание против халифа, но предоставили заканчивать его посторонним мятежникам, и даже в этом они фактически оказали им помощь, особенно часть ансаров. Высокопоставленные сподвижники Али, Тальха и Ибн аз-Зубайр, которые были главными виновниками этого пожара, не прилагали никаких усилий, чтобы его потушить. Их отношение к халифу скорее было сожалением о том, что они не могли ему помочь, поскольку они не имели возможности действовать свободно, а только старались поддерживать видимость. На самом деле они ничего не делали, чтобы остановить ход событий, в надежде, что все это в итоге пойдет им на пользу.

Решающее изменение к худшему, первое кровопролитие, произошло из-за защитников дара. Один из них бросил камень в голову старого «сподвижника», который стоял в толпе, и убил его. Усман отказался выдать виновника. Тогда осаждающие почувствовали себя оправданными в своих действиях и, отбросив всякие колебания, пошли в атаку на дар; командовал ими египтянин Ибн Удайс из племени бали, прислонившись к мечети. За дверью друзья Усмана сражались за него, и даже после того, как дар подождли, они пытались сдерживать нападавших. Но тем временем некоторые из нападавших проникли в дар через соседний дом и уже вошли в комнату самого халифа, где тот, не тревожась из-за доносящегося снаружи шума, молился

²¹ Дар – огороженное скопление домов или комнат (в арабском языке нет различия между этими понятиями) с одной дверью.

²² Урия Хеттеянин (2 Цар., 11), гибели которого пожелал царь Давид и с этой целью отправил его с письмом к командующему армией, где приказал поставить Урию в место «самого сильного сражения». Выражение «письмо Урии» используется в смысле «письмо, грозящее гибелью своему подателю». (Примеч, пер.)

перед Кораном. Мухаммед ибн Абу Бакр, сын его друга и предшественника, первым применил против него насилие; Кинана ибн Бишр ат-Туджиби нанес смертельный удар, а несколько других выместили свой гнев на труп. После этой сцены в сражении больше не было смысла, и оставшиеся в живых защитники смогли без особого труда уйти в безопасное место. Это произошло в пятницу 18-го числа месяца зуль-хиджа 35 года от хиджры (17 июня 656 года). Похороны убитого халифа были отложены на значительное время, пока по настоятельной просьбе его вдовы Наили из племени кальбитов несколько преданных людей не отважились их совершить. Необмытое тело, распростертое на двери, о которую оно билось головой при каждом неровном шаге носильщиков, спешно вынесли во мрак ночи под аккомпанемент бросаемых камней и проклятий. Его пришлось похоронить на еврейском кладбище; ансары даже не позволили дать ему погребения в обычном месте; это было все равно что зарыть животное на живодерне.

Убийство Усмана оказалось более судьбоносным, чем практически любое иное событие в истории ислама. С того момента вопрос, кто встанет во главе теократии, решался с мечом в руке. Врата Януса²³ открылись для междоусобиц и больше никогда не закрывались²⁴. Единство общины Мухаммеда, представленное имамом во главе ее, в лучшем случае можно было сохранить извне силой оружия; на самом же деле джамаат распался и разделился на фракции, которые постоянно пытались помешать друг другу и поднять оружие за своего имама против чужого, фактически находящегося у власти. Это была мучительная дилемма для благочестивых²⁵. Если они воздерживались от решительных действий, то шли против заповеди, настойчиво подчеркиваемой в исламе, о том, что нужно открыто демонстрировать свою приверженность выступать за правое дело и словом и действием, а если они вставали на ту или иную сторону, то тем самым пренебрегали основополагающей гипотезой теократии, которая заключается в том, что верующие не должны проливать кровь в междоусобицах, а должны сражаться не друг с другом, а только с неверными. Вопрос «Что скажешь об убийстве Усмана?» смущал их умы.

Плоды рокового деяния упали в руки Али. После смерти Абу Бакра, Умара и Ибн Ауфа зять пророка был, бесспорно, главой сподвижников и пользовался большим уважением, чем Тальха и Ибн аз-Зубайр. Уже во время нападения на дар Усмана он выступал в качестве имама во время публичного богослужения, а также назначил главу хаджа, и в целом в Медине, особенно среди ансаров, считалось, что он уже точно будет преемником Усмана. Египтяне тоже были на его стороне, действовали только ему на руку, и никому иному, и в суматохе момента сумели склонить чашу весов в его пользу. В тот самый день, когда произошло убийство Усмана, Али публично принесли присягу в мединской мечети. Правда, после первой радости началась реакция; волнения улеглись; народ Медины без особого восторга встретил нового халифа, получившего власть из таких нечистых рук, и не оказывал ему большой поддержки. В тот момент для халифа стало удачей, что остальные два «триумвира» – Тальха и Ибн аз-Зубайр – бесстыдно обернулись против него, поскольку таким образом они предоставили ему убедительную причину порвать с ними. До тех пор пока Усман был жив, они ревностно агитировали против него, по-видимому в интересах Али, которому позволяли поступать по собственному усмотрению, но теперь они выступили в качестве его конкурентов и заклеили как зачинщика убийства, которое оказалось таким выгодным для Али. Они покинули Медину и отправились в Мекку, где находилась Айша, мать правоверных. Она пребывала в благочестивом уединении, подальше от восстания против Усмана, в котором также сыграла значительную роль, еще до того как оно достигло зенита, и удалилась, чтобы иметь возможность умыть руки, словно

²³ Из-за этого убитого халифа называют «открытыми воротами».

²⁴ В Риме ворота храма Януса стояли открытыми в продолжение войны и запирались после ее окончания. (Примеч. пер.)

²⁵ Поэтому междоусобица называется фитна – «искушение».

ни в чем не повинная, и сохранить свое положение после того, как все закончится. Она не выносила Али и, услышав, что ему принесли присягу верности, открыто объявила Усмана святым и призвала отомстить за него новому халифу. Вокруг нее сплотилась группа беглецов, которые в глубине души придерживались совсем разных взглядов, и Тальха с Ибн аз-Зубайром явились к ней и нашли у нее приют. Эти трое встали во главе движения против Али в Аравии, но из Мекки они не могли вести военные действия против далекой Медины, потому решили покинуть Аравию и отправиться в Басру, где имели связи, и им удалось овладеть городом и превратить его в свою твердыню. Ввиду этого Али не считал для себя возможным оставаться в Медине. Он последовал за ними в Ирак и даже отправился в Куфу, где влиятельный йеменец Малик аль-Аштар уже подготовил почву для его появления. Вместе с куфийцами он напал на басрийцев и одержал над ними победу возле их города в так называемой Битве верблюда, так как она шла вокруг верблюда Аиши (9 декабря 656 года). Тальха и Ибн аз-Зубайр пали, Айша проиграла свои ставки и ушла со сцены. Басра заключила мир с Али, и весь Ирак признал его власть. Али остался в Куфе, выбрав ее в качестве своей резиденции.

Поэтому непосредственным следствием убийства Усмана стало то, что прежний халифат в городе пророка прекратил свое существование, а новый возник за пределами Медины. Халифат утратил свою святость; борьба за него зависела от силы, а сила находилась в провинциях. Племена в основном переселились в города-гарнизоны, центр тяжести сместился из Аравии. Люди Медины сами окончательно закрепили это положение, когда призвали жителей провинций и позволили им поступать по собственному усмотрению в своем городе, тем самым отказавшись от гегемонии. Сами высокопоставленные сподвижники совершили политическое самоубийство, поскольку разрушили моральный авторитет, на который опиралась их безопасность; если теперь главным фактором стала сила, то другие сумели их пересилить. С того времени Аравия, опустошенная всеобщей хиджрой, опустилась значительно ниже того уровня, на котором стояла до ислама; в старинных песнях мы слышим жалобные сетования по этому поводу. Медина перестала быть центром халифата, и все ее попытки вернуть утраченное положение оказались тщетными. Она оставалась лишь местом передачи исламского предания, которая переросла там в систематическое изучение, и превратилась в Одолламскую пещеру²⁶ для вытесненных членов исламской аристократии, которым так благоволил Мухаммед, и оттуда они время от времени пытались громко заявить о своих требованиях. Однако Медина обладала естественной привлекательностью для людей, которые уже сыграли свою политическую роль или отошли от активной жизни по другим причинам и имели возможность жить в свое удовольствие. Так город правоверных стал городом богатого и блестящего арабского общества, которое желало развлекаться, городом удовольствий, музыки и песен, беззаботности и распутства.

Из Куфы Али правил всем Арабским халифатом, но не Сирией. Эта провинция находилась на отдельном положении. Туда арабы в основном попадали через хиджру, и в ней существовали другие традиции, нежели традиции Куфы и Басры. тамошние арабы долгое время находились под влиянием Греко-Римской империи и еще в доисламские времена входили в царство, а именно гассанидское, поэтому в какой-то степени были привычны к порядку и повиновению. Они не восстали против своего наместника, хотя он и был из Омейядов. Муавия ибн Абу Суфьян в течение 20 лет был наместником Сирии к всеобщему удовлетворению, и ему не приходило в голову отказаться от своего поста и признать Али. Его позиция по отношению к Али отличалась от позиции Ибн аз-Зубайра и Тальхи и была более благосклонной. Он не предъявлял никаких претензий на халифат. Он твердо обосновался в провинции, которой правил, не думая, что после убийства Усмана ему придется освободить свой пост, и сохранил его,

²⁶ В Одолламской пещере Давид скрывался от Саула и Анхуса и вел войну с филистимлянами (Первая и Вторая книги Царств).

будучи в оппозиции к перевороту. Он сумел запечатлеть на своем знамени верность и повиновение законному правителю, не примыкая к мятежу, который все же был мятежом, хотя его и подняли правоверные во имя ислама. Муавии оказалось на руку то, что он, как родственник убитого халифа, имел право и обязанность отомстить за него, поскольку только он располагал соответствующими средствами и способами, ведь в Сирии в его распоряжении находилась регулярная армия.

Вскоре после Битвы верблюда Али и иракцы выступили против сирийцев и столкнулись с их армией на границе у Евфрата. Последовала яростная битва близ селения Сиффин, и в конце концов победа стала склоняться на сторону Али, но, когда сирийцам уже угрожала гибель от рук противника, они накололи на свои копья свитки Корана. Иракцы поняли, что они хотели этим сказать: «Вы проливаете кровь мусульман, которые, как и вы сами, исполняют слово Божье», и это произвело на них впечатление. Защищая правое дело и теократию, они вели борьбу против Усмана, затем против Аиши и басрийцев, а теперь против Муавии и сирийцев. Таким образом, джамаат, единство общины Мухаммеда, распался. Было ли это правильно? В момент глубоких переживаний эта антиномия резко встала перед ними, и они растерялись. Правоверные, которые были первыми в битве и служили примером для соратников, первыми сложили оружие перед Кораном, а остальные последовали за ними. Они также заставили Али прекратить боевые действия и решить вопрос о правопреемстве не мечом, а Кораном, то есть передать его третьей стороне, которые должны были руководствоваться изложенными в Коране принципами, а когда он воспротивился, ему пригрозили участием Усмана. Но когда войско двинулось в обратный поход из Сиффина в Куфу, всю армию Али вдруг осенила мысль, что ее победили при помощи ничтожной уловки, и те самые люди, которые первыми попались в ловушку и повели остальных за собой, теперь же горько сожалели об этом. Они винули себя в том, что позволили запутать себя и на одно лишь мгновение поколебать свою веру в божественную справедливость свержения Усмана, но при этом упрекали и Али за то, что он согласился на третейский суд, ведь тем самым он поставил под вопрос праведность самого дела, за которое они сражались. Они потребовали, чтобы он немедленно отменил решение, к которому сами же принудили его против воли, и разорвал только что заключенный с сирийцами договор. Когда он не подчинился и не пожелал плясать под их дудку всякий раз, как им вздумается на ней поиграть, они отреклись от него и разбили отдельный лагерь в Харуре, недалеко от Куфы. Поэтому они получили имя харуриты, но чаще всего их называли хариджитами (то есть отступниками или мятежниками).

На этот раз они не привлекли к себе целые толпы. Иракцы, под которыми прежде всего следует понимать жителей Куфы, в целом непоколебимо стояли за Али. Однако с ними его связывали не те отношения, которые связывали Муавию с сирийцами, и далеко не столь благосклонные. Муавия не вышел из рядов своих подданных, а обладал властью над ними; он не был обязан им своим положением, а был независим от них, когда отдавал им приказы. Разумеется, они также были убеждены, что правда на его стороне в борьбе с убийцами Усмана, но они сражались бы за него при любых обстоятельствах. Сирийцы давно знали и уважали его, и, кроме того, с ранних времен они привыкли к определенному военному духу. С другой стороны, иракцы не могли забыть, что Али обязан своей властью перевороту, и у него не было ни времени, ни средств, чтобы компенсировать этот недостаток исключительными личностными качествами. Иракские воины не забыли, что именно они выдвинули его; они были слишком недисциплинированными или, может быть, слишком фанатичными, чтобы следовать за своим халифом всюду, куда бы он их ни вел. Они, конечно, пожалели, когда было уже слишком поздно, что из-за них он проиграл свою игру в Сиффине, но не исправили своей ошибки тем, что теперь стали помогать ему в борьбе против сирийцев, после того как решение третейского суда было воспринято как насмешка и боевые действия возобновились. Али не мог заставить их отправиться в новую военную кампанию, потому что они не предоставили ему

военной службы так срочно, как он того требовал, чем позволили Муавии покорить Египет и изводить Ирак молниеносными набегами до самой Куфы. Когда армия наконец-то собралась и была готова выступить, Али был убит, а его сын и преемник Хасан, чувствуя себя неспособным занять его место, продал свои права претендента на власть Муавии. Тогда Муавия смог официально вступить в Куфу, и иракские солдаты должны были принести ему присягу верности. Это положило конец гражданской войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.